

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЭВФЕМИЗМОВ БЕДНОСТИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

© Тимур Алимов

COGNITIVE-PRAGMATIC FEATURES OF EUPHEMISTIC REPRESENTATION OF POVERTY IN THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Timur Alimov

The article offers a contrastive analysis of poverty-related euphemisms in Russian and Uzbek linguo-cultures within a cognitive-pragmatic framework. The relevance of the study stems from the socio-cultural traumatic nature of economic deprivation and the ensuing need for verbal mitigation in post-Soviet media discourse. The objective is to identify both universal and culture-specific strategies for conceptualising resource scarcity as shaped by institutional norms, cultural semiotics and discursive expectations. The findings indicate that in both language systems, the dominant motive is avoidance of linguistic discomfort, achieved through neutral bureaucratic constructions such as *maloimushchiy* 'low-income' and *kam taminlangan* 'under-provided'. Institutional marking, however, diverges: the Russian euphemistic repertoire is generated mainly by legal instruments and media clichés, whereas the Uzbek set is grounded in a multi-tier state register system (*temir daftariga kiritilgan* 'entered in the "iron notebook"', *ayollar daftariga kiritilgan* 'entered in the "women's notebook"', *mehr daftariga kiritilgan* 'entered in the "mercy notebook"') and displays pronounced metaphorisation. Both languages employ a strategy of temporally framing poverty as a "difficult situation"; yet, Uzbek expressions more frequently indicate obligatory social support. Moreover, the Uzbek model shows a higher degree of imagery through culturally encoded metonymies, whereas Russian relies on financial terminology and grammatical variation (prepositions *v* 'in' / *s* 'with'). The study thus reveals common cognitive mechanisms of euphemisation – mitigation and desemantisation of causality – while highlighting national-specific differences in institutional anchoring, metaphorical density and structural realisation of poverty euphemisms.

Keywords: poverty euphemisms, cognitive-pragmatic analysis, Russian language, Uzbek language, institutional discourse, metaphorisation, social support

Статья посвящена сопоставительному анализу эвфемизмов бедности в русской и узбекской лингвокультурах с позиций когнитивно-прагматической парадигмы. Актуальность исследования обусловлена социокультурной травматичностью темы экономического неблагополучия и потребностью в вербальном смягчении негативной оценки в постсоветских медиадискурсах. Цель работы – выявить универсальные и специфические стратегии концептуализации недостатка ресурсов, определяемые институциональными нормами, культурной семиотикой и дискурсивными ожиданиями. В результате установлено, что в обеих языковых системах доминирует мотив избежания лингвистического дискомфорта, реализующийся через нейтрально бюрократические конструкции типа *малоимущий* / *kam ta'minlangan*. Однако институциональная маркированность проявляется по-разному: русский эвфемистический репертуар формируется преимущественно правовыми актами и медийными клише, тогда как узбекский – многоуровневой государственной системой реестров (*temir daftariga kiritilgan* (внесённый в железную тетрадь), *ayollar daftariga kiritilgan* (внесённая в женскую тетрадь), *mehr daftariga kiritilgan* (внесённый в тетрадь милосердия)) с ярко выраженной метафоризацией. Оба языка применяют стратегию временной атрибуции бедности «*трудная ситуация*», но узбекские конструкции чаще включают указание на обязательную социальную поддержку. Кроме того, узбекская модель демонстрирует более высокую степень образности за счёт культурно кодированных метонимий, в то время как русская опирается на финансовую терминологию и грамматическую вариативность (предлоги *v* / *s*). Исследование выявило общие когнитивные механизмы эвфемизации (смягчение, десемантизация причин) и показало национально-специфические различия в институциональной закреплённости, уровнях метафоричности и структурного оформления эвфемизмов бедности.

Ключевые слова: эвфемизмы бедности, когнитивно-прагматический анализ, русский язык, узбекский язык, институциональный дискурс, метафоричность, социальная поддержка

Для цитирования: Алимов Т. Когнитивно-прагматическая статистика эвфемизмов бедности в русском и узбекском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 1 (83). С. 14–21. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-14-21

Введение

Языковое оформление социально чувствительных явлений служит индикатором глубинных ценностных установок общества и одновременно – инструментом регуляции публичного восприятия. Одной из таких проблемных зон является вербализация экономического неблагополучия: прямое называние бедности в массовом дискурсе воспринимается как стигмирующее, что и запускает устойчивые механизмы эвфемизации. В постсоветском пространстве, где процессы социально-экономической стратификации протекают с высокой турбулентностью, особенно показательно сопоставление русской и узбекской лингвокультур, объединённых общим историческим фоном, но различающихся по конфессионально-культурным параметрам и институциональным управленческим практикам. Указанные соображения определяют необходимость изучения эвфемизмов не только как лексико-семантических явлений, но и как сложных социокультурных маркёров, выполняющих регулятивную функцию в публичной коммуникации. Дальнейший анализ требует учёта двоякой мотивации эвфемизации: этико-коммуникативной (избежание эксплицитной резкости) и политико-идеологической (конструирование социально приемлемого образа обозначаемого явления). Как отмечают И. А. Солодилова и Т. Ю. Соколова, базовая характеристика эвфемизмов заключается в их «социокультурной обусловленности» [1, с. 76]; следовательно, выбор и функционирование этих единиц коррелируют с совокупностью культурных норм, ценностных установок и историко-социальных параметров, свойственных данному сообществу. На эвфемистические формы возлагается значимая социальная функция: возникшие под влиянием актуальных общественных запросов, они выступают инструментом поддержания коммуникативных конвенций и минимизации вероятных негативных реакций аудитории. Таким образом, эвфемизмы представляют собой не просто нейтральные субституты стигматизирующих обозначений, но и языковые проекции доминантных морально-этических принципов и нормативно-ценностных регулятивов социума. Социальная природа эвфемизации проявляется в том, что потребность в ней актуализируется преимущественно при вербализации тематически чувствительных или та-

буируемых явлений, требующих тактичного дискурсивного оформления. Выбирая эвфемистически маркированное наименование, коммуникант адаптируется к общественным ожиданиям, демонстрирует уважение к адресату и стремится предотвратить возможное осуждение, эмоциональный дискомфорт либо коммуникативный сбой.

В дискурсивном аспекте эвфемизм рассматривается как средство вторичной номинации, посредством которого негативно маркированный денотат подвергается семантической редукции, а речевая реализация приобретает более мягкий и социально приемлемый характер. Согласно определению О. С. Ахмановой, к эвфемизмам следует относить «эмоционально-нейтральные, вежливые выражения, замещающие в речи грубые, нетактичные, неприличные слова» [2, с. 478]. Мотивационный спектр эвфемистических замен отличается многозначностью: от этико-коммуникативной деликатности до стратегий социоидеологической легитимации, направленных на снижение дискриминационного эффекта, смягчение конфликтного потенциала высказывания, нейтрализацию суеверно-ритуальных опасений, а также на поддержание позитивного имиджа говорящего [3], [4].

Современная лингвистическая наука практически исчерпывающе идентифицировала предметно-тематические области, подверженные эвфемизации, – прежде всего те социальные реалии, которые в коллективном сознании маркируются как табуированные, проблемные либо запретные [5], [6]. Традиция изучения данной категории единиц формировалась преимущественно в рамках социолингвистики и прагматической лингвистики, где основное внимание уделялось их функциональному потенциалу в сферах речевого этикета, политкорректного дискурса и манипулятивного воздействия на массовое сознание [7], [8]. В тематике экономической маргинальности медийные источники, как правило, заменяют прямые, стигматизирующие номинации более нейтральными официально-деловыми перифразами. В экономико-политическом дискурсе такие эвфемистические обозначения выполняют две ключевые коммуникативно-прагматические функции: (1) вуалирование, обеспечивающее семантическое смягчение негативно оцениваемых явлений, и (2) нормализа-

цию, ориентированную на трансформацию общественной оценки экономического состояния и принимаемых правительственных или корпоративных мер. Тем самым они регулируют общественное мнение и способствуют поддержанию позитивного имиджа государства и системообразующих компаний [9], [10], [11], [12].

В русле когнитивно-семантических исследований эвфемизация рассматривается как механизм концептуального репроектирования, при котором стигматизируемый денотат переосмысливается через призму альтернативной концептуальной замены, что приводит к нивелированию его негативного прагматического эффекта. По наблюдению С. А. Логвиной, эвфемистические единицы формируют «кластер семиотических маркёров с выраженным эпистемо-аффективным потенциалом», инициирующим когнитивный рефрейминг отрицательно оценённого содержания [13, с. 718]. Несмотря на значительный объём исследований, посвящённых универсалиям эвфемии, её корреляция с репрезентацией феномена *бедности* в постсоветских медиадискурсах остаётся изученной лишь фрагментарно; особенно дефицитна сравнительная корпусная база, охватывающая русскоязычные и узбекоязычные информационные пространства. Настоящее исследование направлено на заполнение указанной лакуны: его задачей является выявление как универсальных, так и культурно-специфических стратегий концептуализации ресурсного дефицита, обусловленных институциональными регулятивами, семиотическими кодами культуры и дискурсивными ожиданиями аудитории.

Материал и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили корпусные выборки из медиатекстов, нормативных документов и официальных информационных сообщений за период с 2021 года по третий квартал 2024 года. В совокупности проанализировано более 500 тысяч лексем из русскоязычного и узбекоязычного публицистического дискурса. Основу методологии составили дистрибутивный и контекстно-интерпретационный анализ, когнитивное профилирование и дискурсивное картирование эвфемистических единиц.

Первоначально была определена исходная семантическая зона – зона прямой номинации концепта «бедность» – и составлен базовый список лексем с негативной оценочной маркировкой (например, *бедный, нищий, qashshoq, qambag'al*). В дальнейшем выявлялись их эвфемистические субституты и описывались параметры их структурной, семантической и прагматической трансформации. Все единицы подвергались аннотиро-

ванию в двух аналитических проекциях: лексико-грамматической (тип конструкции, степень абстракции, образность, морфосинтаксическая реализация) и функциональной (смягчающий механизм, институциональная маркированность, наличие временной рамки, направленность оценки).

В результате был выделен корпус из 236 эвфемистических выражений, из которых 147 принадлежали русскому языку и 89 – узбекскому. Полученные данные систематизированы в виде девяти когнитивно-дискурсивных осей, каждая из которых отражает определённую стратегию эвфемизации: этико-прагматическое избегание стигмы, институционализация, временная ситуативность, позитивный рефрейминг (оценка), образность и метафоризация, инкорпорирование статуса «нуждающегося» в лексико-грамматическую конструкцию, грамматическая реализация, абстрактность и легитимация через правовой дискурс.

Результаты исследования

Дистрибутивно-контекстный анализ выявил, что базовым когнитивно-прагматическим триггером эвфемизации лексемы *бедность* в обеих исследуемых выборках является требование минимизировать коммуникативный дискомфорт и предотвратить стигматизацию референта. Установленные прямые номинации – *бедный, нищий* (русский) и *qashshoq, qambag'al* (узбекский) – маркируются в корпусе как социально пейоративные и, соответственно, подвергаются системному смягчению. На русском материале это реализуется через юридико-административно нейтральные конструкции (*малоимущий, малообеспеченный, нуждающийся, гражданин с низким доходом, лицо в трудной финансовой ситуации*). Узбекский сегмент демонстрирует функционально эквивалентные субституты (*kam ta'minlangan* (малообеспеченный), *ehtiyojmand oila* (нуждающаяся семья), *qiyin ahvolda* (в трудном положении), *boquvchisini yo'qotgan* (потерявший кормильца), *ijtimoiy himoyaga muhtoj* (нуждающийся в социальной защите), *ko'makka muhtoj* (нуждающийся в помощи)). Общей для обеих лингвокультур является тенденция десубъективировать и депатологизировать феномен: эвфемистическая единица фиксирует текущее социально-экономическое состояние без указания на этиологию, тем самым устраняя обвинительный или оценочный компонент.

Во-вторых, контекстно-интерпретационный разбор показал дивергенцию институциональных механизмов легитимации эвфемизмов. В русскоязычном массиве значительная доля замен

генерируется бюрократическим регистром нормативно-правовых документов и медийно-административных клише (*лица с доходом ниже прожиточного минимума; граждане в трудной жизненной ситуации; в тяжёлом материальном положении; со скромным достатком*). Данные формулы характеризуются предельной стилистической нейтральностью и одновременно функционируют как формализованные критерии доступа к социальным пособиям.

Узбекский корпус демонстрирует аналогичную институционализацию, но реализует её через метонимические конструкции, маркирующие включение субъекта в государственные реестры (*temir daftarga kiritilgan* (внесённый в железную тетрадь), *ayollar daftariga kiritilgan* (внесённая в женскую тетрадь), *mehr daftariga kiritilgan* (внесённый в тетрадь милосердия), *ijtimoiy ahvoli og'ir bo'lgan shaxslar* (лица в тяжёлом социальном положении), *reyestriga kiritilgan yolg'iz keksalar* (одиноким пожилым гражданам, внесённым в реестр)). Данные наименования не только смягчают негативную оценку, но и одновременно фиксируют юридический статус «учтённого» получателя помощи. Сходство институциональных стратегий в русском и узбекском корпусах заключается в том, что эвфемистические номинации бедности функционируют как нормативно-категориальные маркеры, задействованные в административном учёте и регламентации распределения ресурсов.

В-третьих, контекстно-интерпретационный модуль выявил доминирующую когнитивную тактику «ситуативизации» бедности, то есть её репрезентацию как временного, преодолимого дисбаланса, а не как устойчивого социального статуса. В русскоязычном корпусе эта установка реализуется посредством предикативных или атрибутивных конструкций, включающих компоненты *в ситуации / в положении / испытывающий (в трудной материальной ситуации; в непростом финансовом положении; испытывающий финансовые трудности)*. Узбекоязычные данные демонстрируют функционально-эквивалентные синтагмы с постпозиционным показателем локативности-процесса (*og'ir moddiy ahvolda* (в тяжёлом материальном положении), *beqaror moliyaviy vaziyatda* (в нестабильной финансовой ситуации), *murakkab vaziyatda qolgan* (оказавшийся в сложной ситуации)). Обе лингвосистемы формируют «динамическую» рамку, где бедность предстает эпизодом, обусловленным экзогенными факторами; такая вербализация согласуется с практиками сочувственной поддержки и институционального «выведе-

ния» адресата из кризиса и демонстрирует универсальность стратегии.

В-четвёртых, корпусные данные фиксируют регулярную стратегию позитивного рефрейминга, при которой отрицательная ценностная метка бедности трансформируется в нейтральную или культурно одобряемую характеристику. В русскоязычном материале данный приём реализуется посредством атрибута *скромный*, формирующего конструкции типа *со скромным доходом, со скромным достатком, при скромном бюджете*. Лексема переводит дефицитарное состояние в аксиологическое поле умеренности и рациональной бережливости. Узбекский сегмент демонстрирует семантически изоморфные комбинации с компонентом *kamtarona* (скромный): *kamtarona daromad bilan* (со скромным доходом), *kamtarona o'sish* (скромный рост), который коннотационно соотносится с добродетелью скромности (*kamtarlik*) в узбекской традиционной этике. Этот лексический сдвиг реализует когнитивную операцию «положительной эвфемии», при которой, как отмечают В. И. Заботкина и Е. М. Позднякова, негативный социальный факт переинтерпретируется как проявление моральной добродетели, что позволяет снизить стигматизирующий потенциал и стимулировать благожелательную перцепцию адресата [14, с. 59].

В-пятых, контрастное дискурсивное картирование выявило существенную асимметрию в степени метафоризации эвфемизмов бедности. Узбекоязычный корпус характеризуется выраженной фигурально-символической насыщенностью: наряду с нормативно-административными номинациями функционируют ритуализованные метонимические конструкции типа *temir daftar* (железная тетрадь), *mehr daftari* (тетрадь милосердия), *ayollar daftari* (женская тетрадь). Эти единицы индексируют статус нуждающегося посредством культурно маркированного образа «тетради», репрезентирующего институциональный акт социальной опеки. Тем самым узбекская лингвокультура транслирует бедность через высокую степень символического кодирования, встроенного в коллективную религиозно-общинную парадигму, что особенно заметно в условиях высокой социальной сплочённости сельских и малых городских сообществ, где материальная поддержка и помощь нуждающимся воспринимаются как коллективный долг. В этой системе координат образы, закреплённые в эвфемизмах (*temir daftar* – железная тетрадь, *mehr daftari* – тетрадь милосердия), выступают не просто формальными регистрационными метками, но и символами включения человека в сферу коллективной заботы.

Русскоязычный массив, напротив, демонстрирует минимальный уровень метафоризации: большинство эвфемистических замен являются прямыми дериватами финансово-экономической лексики (*доход, минимум, бюджет, прожиточный уровень*). Следовательно, в узбекском дискурсе доминирует образно-метонимическая модель, укоренённая в культурно-символическом коде и религиозно-общинных ценностях; русский дискурс опирается на денотативно-рациональные номинации, акцентирующие статистическую и правовую измеримость явления.

В-шестых, дистрибутивная разметка показала, что узбекоязычные эвфемистические конструкции регулярно инкорпорируют лексемы, маркирующие институциональную потребность в поддержке: *ijtimoiy himoyaga muhtoj* (нуждающийся в социальной защите), *yolg'iz keksa-lar* (одинокие пожилые граждане), *uy-joyini ta'mirlashga muhtoj* (нуждающийся в ремонте жилья), *mehnatga qobiliyatsiz* (нетрудоспособный). Тем самым номинация одновременно сигнализирует о низком социально-экономическом положении и эксплицитно фиксирует правовой статус адресата как получателя целевой помощи. В русской подвыборке аналогичный компонент «статус + право» представлен менее системно (*нуждающийся гражданин, получатель пособия, малоимущая семья*), что указывает на более слабую языковую связку между фактологическим обозначением бедности и процедурой её государственной «обработки». Узбекская модель демонстрирует повышенную интеграцию эвфемистического знака в социально-адресный механизм, тогда как русская преимущественно фиксирует состояние без прямой юридической атрибуции.

В-седьмых, грамматический анализ выявил разнотипные средства синтаксической эвфемизации. Русский корпус демонстрирует парадигматическую вариативность за счёт предложно-падежных чередований: конструкции с предлогом *в* (*в затруднительном материальном положении*) профилируют ситуацию как внешнее обстоятельство, в которое субъект погружён, тогда как конструкции с предлогом *с* (*с затруднительным материальным положением*) репрезентируют ту же социальную диспозицию в виде имманентного признака носителя. Узбекский язык реализует функционально соотносимую опцию посредством постпозиции *-da bo'lgan* (находящийся в...), однако количественно преобладают номинативные словосочетания типа *og'ir moddiy ahvolda* (в тяжёлом материальном положении), *qiyin moliyaviy vaziyatda* (в сложной финансовой ситуации), *oilaviy sharoiti og'ir* (тяжёлые семей-

ные условия), *og'ir turmush sharoitida* (в тяжёлых жизненных условиях), где локативный показатель оформлен морфологически, без глагольного элемента. Тем самым подтверждается универсальная способность грамматики участвовать в эвфемистическом смягчении, при этом русская система проявляет большую синтаксическую гибкость, тогда как узбекская тяготеет к компактным именованным структурам.

В-восьмых, дистрибутивный срез выявил обширный класс высокоабстрактных эвфемизмов, характеризующихся сниженной денотативной точностью и размытыми социально-экономическими параметрами. В русской выборке к данной категории отнесены лексемы *нуждающийся, небогатый, человек в трудных условиях*; в узбекской – *muhtoj* (нуждающийся), *qiyin ahvolda qolgan* (оказавшийся в трудном положении), *murakkab vaziyatda qolgan* (оказавшийся в сложной ситуации). Данные номинации удобны для медийного и официально-канцелярского дискурса благодаря их универсальности и отсутствию стигматизирующих коннотаций. Однако высокая степень абстрагированности осложняет операционализацию понятия *бедность*: конкретные критерии социально-экономического неблагополучия остаются неявными, что ограничивает аналитическую и правоприменительную функцию таких выражений. В результате оба языковых сообщества демонстрируют прагматическую тенденцию к семантическому размыванию, позволяющему минимизировать конфликтный потенциал высказывания, но одновременно создающему риски интерпретационной неопределённости.

В-девятых, корпусный анализ демонстрирует, что значительная часть эвфемизмов бедности интегрирована в юридико-экономический регистр, где они одновременно фиксируют социально-правовой статус адресата и маскируют прямую негативную оценку. В русскоязычном сегменте преобладают формулы типа *прожиточный минимум, социальная поддержка, низкий доход, льготник*, функционирующие как нормативные показатели права на государственные выплаты. Узбекоязычные данные содержат структурно сходные конструкции – *yashash minimumidan past daromad bilan* (с доходом ниже прожиточного минимума), *iqtisodiy yetishmovchilikda yashayotgan* (живущий в условиях экономической нехватки), *tirikchilik darajasidan past* (ниже уровня жизнеобеспечения). Эти наименования, закреплённые в регламентирующих формулировках, переводят проблему в плоскость объективируемых экономических категорий, что позволяет смягчить стигма-

тизирующий эффект в публичной коммуникации.

Таким образом, сравнительный лексический спектр подтверждает динамическое «семасиологическое зондирование» обеих лингвокультур в поиске наименее травматичной вербализации бедности. Русскоязычный дискурс характеризуется высокой синонимической дисперсией (*малоимущий, небогатый, со скромным доходом, в трудной ситуации*), что свидетельствует о неустойчивой норме и непрерывном перераспределении оценочных оттенков между конкурирующими единицами. В узбекоязычном материале также фиксируется терминологическое многообразие, однако оно стратифицировано по строгой регистровой градации: нейтрально-официальный уровень (*kam ta'minlangan* (малообеспеченный)) → полуофициальные метонимические маркеры (*temir daftarga kiritilgan* (внесённый в железную тетрадь)) → эмоционально-эпидейктические конструкции (*qiyin ahvolda qolgan* (оказавшийся в трудном положении), *og'ir ijtimoiy vaziyatda* (в тяжёлом социальном положении)). Данная иерархия демонстрирует большую системность и канализацию лексического выбора в зависимости от институционального контекста, тогда как русская модель отражает более свободную, полисемантически размывающуюся эволюцию эвфемизмов бедности.

Заключение

Проведённое когнитивно-прагматическое исследование эвфемизмов бедности в русской и узбекской лингвокультурах позволило выявить как универсальные закономерности вербальной смягчённости, так и специфические механизмы, детерминированные институционально-культурным контекстом. На материале 236 аннотированных единиц установлено, что в обеих выборках эвфемизация выполняет двойную функцию: (1) этико-коммуникативной защиты адресата от стигматизирующей номинации и (2) дискурсивного нормирования социально чувствительного феномена.

Во-первых, ключевым триггером замены прямых лексем *бедный, нищий* и *qashshoq, qatbag'al* является необходимость минимизировать коммуникативный дискомфорт; во-вторых, в обоих языках активизирована когнитивная стратегия «ситуативизации», репрезентирующая бедность как преодолимый эпизод; в-третьих, наблюдается системная интеграция эвфемизмов в юридико-экономический дискурс, где они одновременно маркируют право на социальную помощь и маскируют негативное значение.

Русский дискурс демонстрирует (а) высокую синонимическую вариативность и грамматическую гибкость, (б) минимальный уровень метафоризации, опираясь преимущественно на денотативно-финансовую лексику, и (в) относительно слабую привязку номинации к конкретному правовому статусу. Узбекский дискурс, напротив, (а) выстраивает чёткую регистровую иерархию – от официально-нейтральных до эмоционально-окрашенных единиц, (б) широко использует фигурально-метонимические конструкции, отражающие коллективистскую и религиозно маркированную картину мира, и (в) инкорпорирует элементы, напрямую указывающие на необходимость институциональной поддержки, тем самым усиливая связь между вербальным обозначением и социальной адресацией.

Результаты полезны для разработки политкорректных медийных стандартов, лингвистической экспертизы нормативных актов и адаптации социально ориентированных коммуникаций к культурным ожиданиям аудитории. Фиксация регистровой и семантической стратификации эвфемизмов способствует более точной социальной адресации государственных программ и снижению стигматизации социально уязвимых групп. Тем самым исследование демонстрирует, что эвфемизация бедности – это не периферийный языковой феномен, а релевантный инструмент социокультурного управления, отражающий приоритеты ценностных систем, институциональные цели и коммуникативные нормы обоих сообществ.

Список источников

1. Солодилова И. А., Соколова Т. Ю. Критерии идентификации эвфемизмов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11(211). С. 73–78.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: КомКнига, 2005. 567 с.
3. Малюга Е. Н., Петросян Г. О. Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 104–130.
4. Шубина Э. Л., Райкова Ю. А. Эвфемистическая номинация бедности в публицистике Германии // Филологические науки в МГИМО. 2023. Т. 9. № 2. С. 79–91.
5. Зубкова О. С., Логвина С. А. Лингвокультурная обусловленность функционирования эвфемизма: прикладной аспект // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 31–62.
6. Alimov T. E., Davlatova G. N., Sultanova K. R. Structural organization of the euphemistic text of the Uzbek language on the example of the nominative field

“O‘lmok” (“to die”) // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2024. Vol. 15. № 4. Pp. 1128–1147.

7. Akopova A. S. Euphemism construction in English: thematic classification and statistical analysis // Issues of Applied Linguistics. 2023. № 50. Pp. 28–51.

8. Antipova A. S., Rabeson M. D., Smirnova O. V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. No 2. Pp. 73–89.

9. Александрова О. В., Сибул В. В. Эвфемизмы в экономическом дискурсе и их потенциал в манипулировании мнением читателей: функциональный аспект // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 56. С. 7–34.

10. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette // Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3. No 1. Pp. 8–22.

11. Gribanova T. I., Gaidukova T. M. Hedging in different types of discourse // Training, Language and Culture. 2019. Vol. 3. № 2. Pp. 85–99.

12. Malyuga E. N., Tomalin B. Euphemisms in South African English economic discourse: socio-cultural aspects // Russian Journal of Linguistics. 2024. Vol. 28. № 3. Pp. 512–534.

13. Логвина С. А. Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 716–732.

14. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 55–64.

References

1. Solodilova, I. A., Sokolova, T. Yu. (2017). *Kriterii identifikatsii evfemizmov* [Criteria for the Identification of Euphemisms]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11 (211), pp. 73–78. (In Russian)

2. Akhmanova, O. S. (2005). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 567 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

3. Malyuga, E. N., Petrosyan, G. O. (2024). *Pragmaticheskaya presuppozitsiya v zagolovkakh angloyazychnykh biznes-media kak element manipulyativnoi ritoriki* [Pragmatic Presupposition in English-language Business Media Headlines as an Element of Manipulative Rhetoric]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 91, pp. 104–130. doi: 10.17223/19986645/91/6. (In Russian)

4. Shubina, E. L., Raikova, Yu. A. (2023). *Evfemisticheskaya nominatsiya bednosti v publitsistike Germanii* [Euphemistic Nomination of Poverty in German Journalism]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. No. 9 (2),

pp. 79–91. doi: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-79-91. (In Russian)

5. Zubkova, O. S., Logvina, S. A. (2024). *Lingvokul'turnaya obuslovlennost' funktsionirovaniya evfemizma: prikladnoi aspekt* [Linguo-Cultural Conditioning of Euphemism Functioning: An Applied Aspect]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki*. No. 54, pp. 31–62. doi: 10.25076/vpl.54.02. (In Russian)

6. Alimov, T. E., Davlatova, G. N., Sultanova, K. R. (2024). *Structural Organization of the Euphemistic Text of the Uzbek Language on the Example of the Nominative Field “O‘Lmok” (“to Die”)*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. No. 15 (4), pp. 1128–1147. doi: 10.22363/2313-2299-2024-15-4-1128-1147. (In English)

7. Akopova, A. S. (2023). *Euphemism Construction in English: Thematic Classification and Statistical Analysis. Issues of Applied Linguistics*. No. 50, pp. 28–51. doi: 10.25076/vpl.50.02. (In English)

8. Antipova, A. S., Rabeson, M. D., Smirnova, O. V. (2021). *Semantic Shift in Conflict Terminology in Contemporary Russian Socio-Cultural Media Discourse. Training, Language and Culture*. No. 5 (2), pp. 73–89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89. (In English)

9. Aleksandrova, O. V., Sibul, V. V. (2024). *Evfemizmy v ekonomicheskom diskurse i ikh potentsial v manipulyrovanii mneniem chitatelei: funktsional'nyi aspekt* [Euphemisms in Economic Discourse and Their Potential in Manipulating Readers' Opinions: A Functional Aspect]. *Voprosy prikladnoi lingvistiki*. No. 56, pp. 7–34. doi: 10.25076/vpl.56.01. (In Russian)

10. Danilina, E. A., Kizyan, E. E., Maksimova, D. S. (2019). *Euphemisms in Advertising Discourse: Putting On a Positive Face and Maintaining Speech Etiquette. Training, Language and Culture*. No. 3 (1), pp. 8–22. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.1. (In English)

11. Gribanova, T. I., Gaidukova, T. M. (2019). *Hedging in Different Types of Discourse. Training, Language and Culture*. No. 3 (2), pp. 85–99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6. (In English)

12. Malyuga, E. N., Tomalin, B. (2024). *Euphemisms in South African English Economic Discourse: Socio-Cultural Aspects. Russian Journal of Linguistics*. No. 28 (3), pp. 512–534. doi: 10.22363/2687-0088-39076. (In English)

13. Logvina, S. A. (2020). *Osobennosti prosodicheskoi organizatsii nekotorykh ponyatiinykh elementov evfemizma* [Peculiarities of Prosodic Organization of Some Conceptual Elements of Euphemism]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 11 (4), pp. 716–732. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732. (In Russian)

14. Zobotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). *Kognitivnye mekhanizmy evfemizatsii manipulyativnogo kharaktera* [Cognitive Mechanisms of Manipulative Euphemization]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 4, pp. 55–64. doi: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russian)

The article was submitted on 17.10.2025

Поступила в редакцию 17.10.2025

Алимов Тимур Эрмекович,
кандидат филологических наук,
преподаватель,
Ферганский государственный университет,
150100, Узбекистан, Фергана,
Мураббийлар, 19.
alimovcom@mail.ru

Alimov Timur Ermekovich,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Fergana State University,
19 Murabbiylar Str.,
Fergana, 150100, Republic of Uzbekistan.
alimovcom@mail.ru